

УДК 811'255.4:82'087.5:811.161.3:811.161.1

Н. Е. Никитина

*канд. филол. наук, доц. каф. общего и русского языкознания
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: ttt.iii@mail.ru*

СПЕЦИФИКА АВТОРСКОГО ПЕРЕВОДА В ЗАРУБЕЖНОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Детская литература рассматривается как объект перевода в социально-психологическом и лингвистическом аспектах. На примере авторского перевода повести А. Федоренко «Три талера» («Шчарбаты талер») исследуются лексические, стилистические и грамматические переводческие трансформации. Сделан вывод, что современная белорусская литература для подростков развивается в соответствии с общей тенденцией к «овзроslению» детской литературы.

Введение

Особенности перевода детской литературы (далее – ДЛ) вызывают интерес не только у переводчиков, но и у лингвистов, литературоведов, психологов. Перевод литературы для детской аудитории требует от переводчика больших усилий и ответственности. Ведь именно он должен следить за тем, чтобы язык произведения соответствовал мышлению и речевым особенностям детей определенной возрастной группы, чтобы переводимый текст отвечал нормам ДЛ другой культуры. В таких условиях деятельность автора-переводчика, который самостоятельно осуществляет перевод своего произведения на другой язык, представляется оптимальной.

Несмотря на многообразие работ, посвященных общим проблемам перевода ДЛ, в лингвистике не существует комплексных исследований относительно лингвистических и социально-психологических особенностей перевода зарубежной и белорусской художественной литературы для детей. Характеристика указанных особенностей и является целью данного исследования.

В современном литературоведении к ДЛ относят следующие виды произведений:

- 1) непосредственно адресованные детям;
- 2) входящие в круг детского чтения (не создававшиеся специально для детей, но нашедшие у них отклик и интерес);
- 3) сочиненные самими детьми [1, с. 19–20].

Многие исследователи, давая определение ДЛ, подчеркивают ее воспитательную функцию. Так, А. П. Бабушкина отмечает, что ДЛ – это «литература, специально предназначенная для детей до 15–16 лет и осуществляющая языком художественных образов задачи воспитания и образования детей. Она неотделима от общего литературного потока, рождается на пересечении художественной литературы и педагогики и осуществляет единство принципов искусства и педагогики» [2, с. 9]. Действительно, ДЛ, возникшая на пересечении художественного творчества и учебно-воспитательной деятельности, является областью искусства, функции которого – доставлять ребенку эстетическое наслаждение и способствовать формированию его личности [1, с. 8].

Итак, основная отличительная черта ДЛ – органическое слияние дидактического и художественного компонентов, что подразумевает учет интересов, познавательных возможностей и возрастных особенностей детей [3, с. 207]. Учитывая специфику ДЛ, авторы вынуждены искать новые пути привлечения читательской аудитории: следовать

«моде» на определенные жанры (фэнтэзи, детективы, ужасы); создавать серии книг; «толерантно» оценивать качество текста; осмысливать сложные, «взрослые» темы (смерть близкого человека, проблемы неполных семей и приемных детей, суицида, гомосексуальности и др.) [4, с. 72–74]. В таких условиях издательства часто обращаются к тиражированию переводной ДЛ, поскольку, «выбирая уже вышедшую зарубежную книжку, издатели автоматически проскакивают сложный путь селекции, работы с текстом, с иллюстрациями, перед нами готовый продукт – блестяще отредактированный и прекрасно иллюстрированный» [5]. Согласно данным Министерства информации Республики Беларусь, в 2018 г. доля переводных изданий в общем объеме выпущенных названий составила 8,9 % (в 2017 г. – 6,35 %, в 2016 г. – 5,1 %). При этом на белорусский язык книги переводились в основном с русского (148) и польского (20). На русский язык переведены издания с английского (239), немецкого (47), французского (40) и других языков [6]. Следовательно, именно русский язык выступает «посредником» между зарубежной литературой (в том числе детской) и белорусским читателем, а проблемы перевода иностранной ДЛ, как и литературы вообще, с каждым годом становятся все более актуальными.

Переводчик ДЛ сталкивается со множеством сложностей. Во-первых, специфика работы над переводами ДЛ состоит в необходимости соблюдения единства, органического соединения литературы для детей и ее «родной сестры» – педагогики [7]. Во-вторых, заботясь о точной передаче смысла и идеи произведения, переводчик должен учитывать психологические особенности той возрастной группы, для которой предназначен текст, «считаться с жизненным опытом и познаниями юных читателей, которым сложнее ориентироваться в чужой для них культуре» [8]. В-третьих, переводчику следует понимать важность молодежного сленга и следить за изменениями в языке детей и молодежи. Ведь чем ближе, понятнее читателю будет язык книги, тем больше будет на нее спрос.

Современная ДЛ не только идет «по торному пути всеобщей коммерциализации и глобализации, но и ищет свою тропинку национальной идентичности» [4, с. 66]. Поэтому представляется интересным творчество билингвальных авторов, которые самостоятельно переводят свои произведения с языка меньшинства на язык большинства населения страны.

Работы ряда зарубежных исследователей свидетельствуют об актуальности авторского перевода (далее – АП) ДЛ в силу его специфичности и уникальности. Так, в статье «Авторский перевод в баскской детско-юношеской литературе» («La autotraducció en la LIJ Vasca») Хосе Мануэль Лопез Гасени (José Manuel López Gaseni) подчеркивает, что баскский автор ДЛ сталкивается с двойной проблемой: он вынужден объяснять, почему он пишет на баскском языке, а не на языке национального большинства (испанском или французском), и почему он создает детскую и молодежную литературу (может, потому, что он не способен писать «настоящую» литературу?) [9, с. 151]. По мнению исследователя, осуществление самостоятельного перевода мотивировано тремя причинами. Во-первых, автор-переводчик чувствует социальную и психологическую необходимость продемонстрировать, что он обладает полной лингвистической компетенцией в двух используемых языках. Во-вторых, автор ощущает потребность «переписать» свою работу, учитывая «дистанцию» между языком меньшинства и доминирующими языками: часто буквальный перевод не подходит и требуется глубокая адаптация, которую может осуществить только сам автор. В-третьих, писатель-билингв стремится скрыть истинные механизмы своей творческой деятельности, т. к. иногда даже сам не знает наверняка, на каком языке изначально возникло то или иное произведение [9, с. 152–153].

Кьяра Элефанте (Chiara Elefante) в статье «Перевести детские голоса. “Линии разлома” Нэнси Хьюстон в итальянском переводе» («Traduire la voix des enfants. Le cas

de Lignes de faille de Nancy Huston en traduction italienne») поддерживает эту точку зрения, отмечая, что деятельность Нэнси Хьюстон по АП можно считать «(ре)творческой», поскольку, по ее признанию, во время перевода она одновременно переделывает исходную версию, хотя ее цель состоит не в радикальном изменении своего текста, а в предоставлении зарубежному читателю возможности распознать в переведенном произведении ту же книгу [10].

Что касается авторских переводов в белорусской ДЛ, то они в основном осуществляются с белорусского языка на русский. Возможно, это объясняется желанием писателей расширить читательскую аудиторию, выйдя на российский или европейский рынок (к слову, в 2018 г. на другие языки мира было переведено 177 книг с русского и лишь 52 книги с белорусского языка [6]). Кроме того, обращение детских писателей к АП с белорусского языка может быть связано с тем, что их адресаты не всегда в достаточной степени владеют белорусским языком.

Одним из лучших примеров АП в белорусской ДЛ можно считать повесть А. Федоренко «Три талера» [11] («Шчарбаты талер» [12]), изначально написанную на белорусском языке, а затем переведенную автором на русский. В 2003 г. Союз писателей выдвинул повесть «Три талера» на соискание Государственной премии Республики Беларусь. В 2004 г. сценарий, написанный по мотивам повести «Три талера», стал победителем конкурса, который проводили Национальная государственная телерадиокомпания Республики Беларусь, Министерство культуры и Национальная киностудия «Беларусьфильм». Белорусские зрители увидели сериал в 2005 г.

Повесть написана в жанре детектива, что соответствует возрастным предпочтениям современных подростков [13, с. 238]. В центре произведения – активная, любознательная шестиклассница Оксана Тушинская. Девочка воспитывается в неполной семье – без матери. Ее отец – доктор исторических наук – рассказал дочери и ее друзьям предание о трех талерах. Дети заинтригованы этой историей и хотят отыскать клад, однако им приходится столкнуться с реальной опасностью. Итак, проблематика произведения и его жанровая принадлежность полностью соответствуют подростковому возрасту.

Характеристика переводческих трансформаций, осуществленных автором в процессе перевода повести на русский язык, позволит представить специфику языка произведения, адресованного детской читательской аудитории, в частности его отличие от языка взрослых. Поскольку в процессе АП автор сознательно или подсознательно стремится улучшить свое произведение, русскоязычный вариант предположительно может содержать больше указаний на язык подростков, чем белорусскоязычный оригинал.

Переводческими трансформациями называются преобразования, с помощью которых переводчик осуществляет переход от единиц оригинала к коммуникативно равноценным единицам языка перевода (далее – ПЯ) при невозможности использования регулярных соответствий в условиях заданного контекста [14, с. 172].

Классификация переводческих трансформаций в АП повести «Три талера» включает следующие виды преобразований.

Лексические трансформации

1. Транскрибирование, трансплантация, субституция.

Согласно правилам перевода, имена и фамилии людей *транскрибируются*, т. е. звуковая форма исходной лексической единицы воспроизводится с помощью букв языка перевода. Обратимся к примеру:

Бацька з Аксанаю сядзелі на маленькай лавачцы пад плотам, Чэсь, Міхал і Змітрок – паўкругам насупраць, проста на траве. → Отец с Оксаной сидели на маленькой скамейке под забором, Чэсь, Михаль и Дмитрок – полукругом напротив, прямо на траве.

В рассматриваемом примере транскрипция наблюдается в паре *Аксана – Оксана*, где сопровождается утратой белорусского аканья под воздействием норм русской орфографии и орфоэпии.

Аналогичные процессы должны были происходить в паре *Чэсь → Чэсь*, однако в русском тексте не наблюдается смягчение «затверделого» белорусского звука [ч]. Следовательно, это имя собственное подверглось не транскрипции, а **трансплантации** (точное воспроизведение графической формы имени).

В паре *Міхал → Михаль* транслитерация (побуквенная замена графического состава слова) дополняется смягчением конечного согласного, что графически выражается в увеличении буквенного состава слова, хотя предпосылок для этого нет.

Способом передачи имени собственного в паре *Змітрок → Дмитрок* является **субституция** (замена имени другим, генетически близким, с общей этимологией): белорусская разговорная форма имени с аффиксом **-ок** накладывается на русский корень. Чистую субституцию этого имени можно наблюдать в примере:

Можэ, яшчэ ўсёй кампаніяй завалімся – я, ты і Зміцер? → *Может, еще всей компанией завалимся – я, ты и Дмитрий?*

Кроме того, субституции подверглось отчество в примере:

Маргарыта Янаўна, папільнайце сумкі. → *Маргарита Ивановна, посторожите сумки.*

Кроме того, при передаче имен собственных наблюдается **инвариативность перевода**: имена, употребленные в оригинале в нескольких вариантах, при переводе заменяются лишь одним. Так, в оригинале произведения имя *Міхал* имеет вариант *Міша*: *Міша, калі хочаш біцца – давай.* Однако в тексте АП встречается лишь один вариант: *Михаль, если хочешь драться – давай.* Такой тип трансформации не относится ни к одной из известных классификаций и является отличительной особенностью АП.

2. Лексико-семантическая замена – это использование в переводе единиц ПЯ, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определенного типа логических преобразований.

а) конкретизация – это замена исходной единицы, имеющей более широкое значение, единицей ПЯ с более узким значением (род – вид):

Вось вырашылі выбрацца на выхадныя ў вёску, адведаць старую. → *Вот решили выбраться на выходные в деревню, провести мать.*

б) генерализация – это замена исходной единицы, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением (вид – род):

Скажы лепі, аб чым ты шаптаўся з ёю? → *Скажи лучше, о чем ты разговаривал с ней?* (шаптацца – ‘гаварыць паміж сабой ціха, шэптам’).

3. Полная смысловая замена:

Абедзве памаўчалі, уражаныя безлітаснасцю, жорсткасцю дарослага жыцця, з якім яны ўпершыню сугыкнуліся твар у твар. → *Обе помолчали, пораженные безликостью, жестокостью взрослой жизни, с которыми они вдруг впервые столкнулись лицом к лицу.*

«Скажу, што забыла насоўку ў аўтобусе, а потым, на канікулах, як-небудзь адмыю», – вырашыла Аксана. → *«Скажу, что забыла платок в автобусе, а потом, на каникулах, как-нибудь обойдусь», – решила Оксана.*

В приведенных примерах выделенные лексемы полностью отличаются по семантике и в определенной степени меняют смысловые нюансы повествования.

Обращают на себя внимание случаи **нарушения единообразия оригинала или перевода**, при которых одна лексема в нескольких предложениях имеет различные соответствия:

Бацька папрасіў вадзіцеля спыніцца каля крайняй хаты. → Отец попросил водителя остановиться у крайней хаты.

Бацька даклаў усе свае зберажэнні да іхняе «кампенсацыі», і купілі гэтую вось хату, у Паплавах. → Отец добавил все свои сбережения к их «компенсации», и купили этот вот дом, в Поплавах.

Вось дзіва – галіны самі так растуць, што нібыта шалаши. → Вот удивительно – ветви сами так растут, что как будто шалаши.

Месца для будана недзе з месяца назад выпадкова знайшоў Чэсь. → Место для шалаши где-то с месяца назад случайно нашел Чэсь.

В ряде случаев нарушение единообразия перевода сопровождается смысловой заменой:

І тумбачка каля канапы тая ж самая. → И тумбочка возле дивана та же самая.

Тым летам, калі было душна ў хаце, бабуля слала ёй вось на гэтай канапе ў кутку. → Тем летом, когда было душно в доме, бабушка постилала ей вот на этой кушетке в углу.

Стилистические трансформации

Они представлены примерами, в которых может изменяться не только стилистическая принадлежность лексемы, но и ее смысловые оттенки:

Не зразумееш, ці гэта вёска, ці прыгарад, ці ўчасткі лецішчаў... → И не поймешь, деревня ли это, или пригород, или участки дач (лецішча (разм.) – дача (нейтр.));

Аксана сёрбала духмяную юшку, забываючы нават адкусваць хлеб. → Оксана глотала ароматную уху, забывая даже откусывать хлеб. (сёрбаць (разм.) – ‘ещи вадкую страву, прысмоктваючы’ – глотать (разг.) – ‘быстро съесть’);

Аксана, седзячы насупраць і п’ючы гарбату, паціснула плячыма. → Оксана, сидя напротив и попивая чай, пожала плечами. (піць (нейтр.) – ‘глытаць якую-небудзь вадкасць’ – попить (разг.) – ‘пить понемногу и с удовольствием’).

Грамматические трансформации

1. Добавление – это добавление лексических единиц в переводе для передачи имплицитных (подразумеваемых, оставшихся невыраженными) семантических компонентов оригинала.

Агляд не падбавіў настрою. → Осмотр не принес утешительного настроения.

Аксана, не адказваючы, узірлася ў канец вуліцы. → Оксана, не отвечая, взглядывалась в дальний конец улицы.

2. Опущение – это отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов оригинала, значения которых оказываются нерелевантными или легко восстанавливаются в контексте.

Нават люк уверсе адчыняць нельга – у аўтобусе малыя дзеці. → Даже люк вверху открывать нельзя – в автобусе дети.

На «падлогу» насалі мяккага сухога моху. → На «пол» наслали мягкого мха.

Среди синтаксических трансформаций можно выделить **членение предложений** (Я абараняў цябе ў завуча, заступаўся, але цяпер шкадную аб гэтым. → Я защищал тебя у завуча. Защищал, но теперь жалею об этом.) и **изменения порядка слов** (Але хуткай і суровай расплаты Аксана чакаць не стала. → Но Оксана быстрой и суровой расплаты ждать не стала.). Скорее всего их цель – скорректировать интонацию и, следовательно, эмоциональную нагрузку, которую несет предложение при прочтении.

Определенной спецификой обладает трансформация следующих грамматических конструкций и категорий при АП.

Посессивные конструкции

Известно, что в русском языке преимущество имеет родительный падеж со значением принадлежности, конструкции которого весьма разнообразны [15, с. 25]. В системе белорусского языка, напротив, притяжательные прилагательные «сохранили свою активность в разговорной речи и языке художественных произведений» [16, с. 123]. Однако в тексте повести практически все посессивные конструкции оригинала и АП совпадают. Иногда это воспринимается как уместная и адекватная замена:

*Ён успамінаў сваю былую жонку, **Аксаніну** маці: як жыў з ёю, як потым развёўся.* → *Он вспоминал свою бывшую жену, **Оксанину** мать: как жил с ней, как потом развелся.*

*Яна выцерла **татавай** насоўкаю вочы і шокі, усміхнулася, працягнула бацьку адзін палец.* → *Она вытерла **папиным** платком глаза и щеки, улыбнулась, протянула отцу один палец.*

Однако в ряде случаев использование конструкций с притяжательными прилагательными в русском тексте звучит неестественно и требует употребления конструкций с родительным падежом. Сравним:

***Міхалава** маці навіталася, ёй адказалі, апрача Чэся са Змітрам.* → ***Михалева** мать (ср. мать **Михаля**) поздоровалась, ей ответили все, кроме Чэся с Дмитрием.*

*Скарыстаўшы **Чэсэву** разгубленасць, дзяўчынка імгненна схавала талер проста з яго далоні, схавала ў кішэню.* → *Воспользовавшись **Чэсовой** растерянностью (ср. растерянностью **Чэся**), девочка мгновенно схватила талер из его ладони и спрятала в карман.*

Именные и глагольные категории

Трансформации именных категорий носят единичный характер и не нарушают языковые нормы и смысловую целостность текста:

*Да таго ж яна, як ні кажы, **госця** тут.* → *К тому же она, что ни говори, **гость** здесь* (изменяется род имени существительного).

***Гурочка** хочаш, дзіцятка?* → ***Огурчики** хочешь, дитя?* (изменяются число и падеж имени существительного).

*У пяць-шэсць гадзін вечара вяртаюся, Аксана ўжо дома, або гуляе, ці ў **сяброўкі**.* → *В пять-шесть часов вечера возвращаюсь, Оксана уже дома, или играет, или с **подругой*** (изменяется падеж имени существительного).

Трансформации глагольных категорий также малочисленны и существенно не меняют смысл текста:

*Аксана, – сказаў бацька, **зморшчыўшы** лоб.* → *Оксана, – сказал отец, **морща** лоб* (изменяется вид деепричастия).

***Нарасказвала** мне казак пра Бразілію, адтаптала нагу, хацела ўкрасці маю манету, а цяпер плачаш, што не ўдалося.* → ***Рассказываешь** мне сказку о Бразилии, отдавила ногу, хотела украсть мою монету, а теперь плачешь, что не удалось* (изменяются вид и время глагола).

Исследование лингвистических особенностей и переводческих трансформаций АП повести «Три талера» не выявило существенных отличий между языком оригинала и перевода, обнаруженные переводческие преобразования не делают язык произведения более «детским», а обусловлены скорее личным предпочтением автора-переводчика. Этим подтверждается тезис о так называемом «овзрослении» ДЛ, когда ребенок с его мироощущением, мировоззрением, жизненным опытом и словарным запасом приравнивается к полноценному взрослому [4, с. 72].

Заклучение

Таким образом, АП в ДЛ представляет собой комплексное явление, которое может стать объектом исследования ряда наук: переводоведения, лингвистики, литературоведения, социологии, психологии и др.

Независимо от страны проживания и используемых языков, деятельность автора-переводчика, безусловно, имеет определенные преимущества по сравнению с деятельностью профессионального переводчика (большая свобода переводческих трансформаций, возможность корректировки исходного текста в процессе перевода и т. д.). Однако все они обязаны учитывать социально-психологические и лингвистические особенности перевода художественных произведений для детей. К первой группе относятся выбор «модных» литературных жанров (детективы, ужасы), обращение к сложным, «взрослым» темам и в целом «овзросление» ДЛ. Вторую группу составляют лексические, стилистические и грамматические переводческие трансформации, которые также указывают на то, что юный читатель воспринимается как полноценная взрослая личность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамасцева, И. Н. Детская литература : учеб. для студентов высш. и сред. пед. учеб. заведений / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. – М. : Академия : Высш. шк., 2000. – 470 с.
2. Бабушкина, А. П. История русской детской литературы / А. П. Бабушкина. – М. : Учпедгиз, 1948. – 480 с.
3. Хамидова, М. О. Специфические особенности детской литературы для дошкольного и младшего школьного возраста / М. О. Хамидова // Молодой ученый. – 2019. – № 9. – С. 207–209.
4. Петрова, С. А. Современная русская детская литература – миф или реальность? / С. А. Петрова // Вестн. РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. – 2018. – Т. 23, № 1. – С. 66–78.
5. Усачева, Е. Время к весне [Электронный ресурс] / Е. Усачева // Литературная Россия. – 2013. – № 9. – Режим доступа: <https://litrossia.ru/item/6321-oldarchive/>. – Дата доступа: 09.10.2019.
6. Количественные показатели выпуска изданий в республике [Электронный ресурс] // Министерство информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mininform.gov.by/activities/kolichestvennyye-pokazateli-vypuska-izdaniy-v-respublike/>. – Дата доступа: 07.10.2019.
7. Литвинов, Р. Особенности перевода детской литературы [Электронный ресурс] / Р. Литвинов. – Режим доступа: http://socialtranslation.ru/article.php?article_id=724. – Дата доступа: 10.10.2019.
8. Цехер, К. Кого, что и почему мы переводим? Мысли и наблюдения в области перевода русской детской литературы на немецкий язык [Электронный ресурс] / К. Цехер // II Международный конгресс литературных переводчиков. – 2012. – Режим доступа: <http://institutpervoda.ru › upfiles › phpCTyJJV>. – Дата доступа: 06.10.2019.
9. López Gaseni, J. M. La autotraducción en la LIJ Vasca / J. M. López Gaseni // Anuario de Investigación en Literatura Infantil y Juvenil. – 2007. – Vol. 5. – P. 147–164.
10. Elefante, Ch. Traduire la voix des enfants. Le cas de Lignes de faille de Nancy Huston en traduction italienne [Electronic resource] / Ch. Elefante // TRAlinea. – 2012. – Vol. 14. – Mode of access: <http://www.intralea.org/archive/article/1880>. – Date of access: 09.10.2019.

11. Федоренко, А. М. Три талера [Электронный ресурс] / А. М. Федоренко. – Режим доступа: <https://ekniga.org/detskoe/detskie-priklyucheniya/55128-scherbatyuy-taler.html>. – Дата доступа: 09.10.2019.
12. Федарэнка, А. М. Шчарбаты талер [Электронны рэсурс] / А. М. Федарэнка. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/shcharbaty-taler-get-431096.html>. – Дата доступа: 09.10.2019.
13. Редакторская подготовка изданий / С. Г. Антонова [и др.] ; под ред. С. Г. Антоновой. – М. : Изд-во МГУП, 2002. – 468 с.
14. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
15. Ушакова, А. П. Грамматические формы категории принадлежности в русском и сербском (сербохорватском) языках : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / А. П. Ушакова ; Челябин. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2011. – 58 с.
16. Зинченко, В. Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме : учеб. пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 224 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.12.2019

Nikitina N. E. Specificity of Self-Translation in Foreign and Belarusian Children's Literature

Children's literature as an object of translation is considered in several aspects: socio-psychological and linguistic. Comparing the original and the self-translation of the novel by A. Fedorenko «Three Thalers» the author examines the lexical, stylistic and grammatical translation transformations. It's concluded that modern Belarusian literature for adolescents is developing in accordance with the general tendency to «overgrowing» of children's literature.